

Любой человек приходит в мир с определенной миссией, содержание которой часто навсегда остается неясным ему самому. Очень немногим удается постичь смысл своего пребывания на Земле, и они реализуют собственный талант, ибо именно дар и есть та самая миссия, то послание миру, которое должно быть передано и получено. Но большинство людей всё же не задумываются о смысле своего появления в этом мире, бездумно тратя время единственной жизни на пустяки и не приближаясь к той единственной цели, ради которой они и оказались здесь.

менее всего обременительна для пациента психиатрической больницы, погруженного в свои переживания и слышащего (слушающего) только феномены своей психики. Переписка позволяет минимизировать психотравмирующие такого больного факторы, сохранив ему (пусть формализованное) общение и подарив относительно безопасную (пусть не слишком естественную) эмоцию. Так, сегодня психически больные охотно проводят время в социальных сетях, сократив до минимума свое не виртуальное взаимодействие с реальными людьми, с настоящим и кажу-

после этого выстрела: Винсент умер 27 июля 1890 г., Тео – 25 января 1891 г. А психическое состояние младшего брата художника изменилось уже в октябре, проявившись психомоторным возбуждением и бредом величия. Он был агрессивен к родственникам, не узнавая их (или не хотел узнавать?), вернее, в бредовой интерпретации, принимая их за двойников близких людей, пытался убить жену и сына. За полмесяца до смерти Тео стал апатичен, отказывался от еды... Теодор Ван Гог умер в психиатрической больнице города Утрехта. В графе «Причина смерти» его лечащий доктор

оцениваемой post factum как шизофреническая, более 30 лет провела в психиатрической больнице. Их сестра была больна эпилепсией. Корифеи психиатрии разделились в диагностических мнениях: если К.Ясперс и К.Краус уверенно говорят о шизофрении у художника, то Т.Пейрон, Ф.Рей, А.Гасто, Ф.Минковская, Н.Маркович ставят ему диагноз эпилепсии. (Впрочем, замечу, что эпилепсия диагностировалась во многих случаях врачами – современниками Ван Гога, то есть в те годы, когда еще не было ни критериев шизофрении, ни даже самого этого тер-

Достижение этой цели может быть неимоверно трудным, заставляющим постоянно преодолевать многочисленные препятствия, терпеть тяжкие лишения, словно испытывающие человека, подталкивающие его к более простому и безмятежному делу и отказу от исполнения своей главной задачи. И многие действительно сворачивают в сторону, предпочитая входить в жизнь широкими воротами, не заставляющими обдирать бока и протискиваться в узкую дверь, открывающуюся в бессмертие.

Когда миссия исполнена, посланец может возвращаться обратно: он сделал всё то, ради чего был отправлен в мир.

Неужели обыкновенные люди, которых на Земле большинство, уходят, так и не реализовав себя, не исполнив уникальной миссии? Миссия эта может быть различной – от создания месс до управления массами. Талант может быть каким угодно. И иногда он бывает почти незаметным, но необходимым, как вода для жаждущего.

Теодор Ван Гог всю жизнь был добрым ангелом-хранителем своего брата. Не говоря уже о сочувствии и понимании, в которых так нуждался непризнанный художник, и добрых словах, которые В. Ван Гог мог услышать только здесь. Тео еще и материально поддерживал брата. По сути, он почти всю жизнь содержал Винсента, регулярно посылая ему деньги на холсты, краски (а на каждый пастозный рельефный мазок Ван Гога уходило едва ли не полтюбика краски), еду, наем жилья, исполняя регулярные заказы брата на покупку разнообразных нужных для работы художника вещей. В. Ван Гог продал за жизнь всего одну картину, других источников дохода у него не было. Теодор, регулярно отрывая деньги от собственной семьи, позволял художнику создавать те картины, которые сейчас неизменно пребывают в числе максимально дорогих лотов самых престижных аукционов.

И Винсент нередко даже обижался на Тео, если вдруг получал от него письмо с просьбой подождать немного, он-де должен вначале выплатить долги своим кредиторам. В этих случаях художник вскипал, восклицая: «Кто для тебя более важен? – я ли или эти кредиторы? Неужели они не могут подождать месяц-другой?!...» И Тео безропотно посылал деньги брату, вновь и вновь уговаривая своих заимодавцев, отказывая себе в крупных, а часто даже и в мелких радостях жизни, связанных с хотя бы относительным достатком, при том, что его собственные доходы и без того были невелики. Теодор Ван Гог был обыкновенным торговым агентом торговых

Болезни великих

Ангел по имени Тео

Теодор Ван Гог всю жизнь посвятил своему брату

домов «Гупиль и Со», а позднее – «Буссо & Валадон», занимающегося продажей картин. У него были дети, которых нужно было одеть-обуть-накормить. И хотя на стенах его темноватой и тесной квартиры висели десятки работ Винсента Ван Гога, стоящие сегодня сотни миллионов, в доме Теодора Ван Гога не было ни излишеств, ни даже порой достатка. Младший брат терпеливо выслушивал сетования и комментарии старшего, в том числе и по поводу его женитьбы (на известие об этом событии Винсент дал вспышку очередного психотического обострения, в сюжет которого была вовлечена и жена брата), его раздраженные реплики и необоснованные претензии, сносил его эмоциональные гневные вспышки, для которых Винсент часто не подбирал выражений... Теодор гасил в себе эти негативные эмоции, аккумулируя их деструктивную энергию. А потом снова и снова выслушивал, восхищался, говорил слова поддержки, утешал, оправдывался, беззаветно верил в талант художника и – посылал ему деньги.

Психоаналитические спекуляции (например, И.Нагеры) о том, что Винсент и Тео испытывали друг к другу бессознательное гомосексуальное влечение, что и объясняет их непростые, но очень близкие взаимоотношения, выглядят ненужной псевдопсихологической схоластикой, особенно на фоне известной концепции К.Г.Юнга об «аниме» и «анимусе» как составляющих психики любого человека (в зависимости от его пола). А коль скоро «анима» присутствует в психике любого мужчины, то говорить тут и во все не о чем: какая бы то ни была персональная специфика в этом случае становится общим правилом, а следовательно, не проясняет ровным счетом ничего.

У одинокого, всегда голодного и одержимого сложными эстетическими идеями, нетерпимого, импульсивного и резкого в общении художника, к тому же страдающего психическим расстройством, не было другого собеседника, с кем он мог бы поделиться мыслями и эмоциями. Причем предпочтительно в эпистолярном жанре, так как именно эта монологичная форма коммуникации

щимся им опасным социумом.

Гений живут в ином времени, умея увидеть то, что еще недоступно окружающим и станет ведомо им лишь спустя годы. У Винсента Ван Гога была своя машина времени. Его последняя работа – «Вороны над пшеничным полем» – изображает птиц, взлетевших над морем желтых колосьев. Художник увидел этих ворон в своем недалеком будущем, хотя в этот самый миг они тихо сидели в пшенице, воруя зерно. Но именно таким образом, как изображено на картине, и взлетела эта всполошенная стая, когда вдруг раздался выстрел из пистолета, направленный художником в себя. Последняя картина Винсента – это моментальный снимок будущего. Может быть, и сам-то выстрел этот был вызван тем, что художник предвидел обострение психического расстройства.

Если бы мастер захотел продвинуться на своей машине времени немного дальше, то мог бы увидеть итог жизни своего брата, умершего в психиатрической больнице спустя ровно полгода

написал: «Наследственность, переутомление и горе...»

Тео Ван Гог не обладал талантом живописца, но вкус и чувство чужого дарования у него были развиты высоко. Не случайно же он выбрал своей профессией продажу картин – повод говорить о живописи, постоянно находиться рядом с полотнами... Когда еще почти никто не видел в работах Винсента ни малейшего таланта, хотя большинство уже чувствовало в них его безумие, Тео верил в признание и успех брата, невзирая на всеобщее и неизменное неприятие искусства В. Ван Гога. Просто и у Тео тоже была своя машина времени. Он знал, что картины его брата получат всеобщее признание, а за обладание ими будут вести аукционные сражения лучшие музеи мира. Потому что Тео тоже был гением – гением доброты, эмпатии, поддержки и участия.

Психиатрический диагноз Т.Ван Гога может быть предметом дискуссии (как, впрочем, и диагноз самого художника). Известно, что их тетя по линии отца с симптоматикой,

введенного Э.Блейлером в 1908 г.) Сифилис, который был у Теодора Ван Гога, тоже вносит некоторую диагностическую неопределенность, заставляя пытаться учесть и это важное клиническое обстоятельство. Но инфекционное заболевание, адекватным для того времени образом пролеченное и так долго ничем себя не проявлявшее, вдруг столь молниеносно и неотвратимо сводит человека сначала с ума, а вскоре в могилу? Это галопирующее течение, конечно, тоже возможно, однако объяснение психопатологии причинами генетической детерминированности, сочетавшейся с тяжелейшим стрессом, ставшим триггером душевного заболевания младшего Ван Гога, представляется более вероятным. Диагноз нефрита, приведшего к уремии, о которой говорит А.Перрюшо, не противоречит этой версии.

Биография Теодора Ван Гога сложилась так, словно его миссия состояла только в том, чтобы всю жизнь патронировать великого художника – своего брата, покровительствовать ему, спасти его, что Тео и делал, самозабвенно и героически пренебрегая собственной жизнью и интересами, став тенью мастера (не случайно в его психопатологической картине фигурировал бред «двойника»). Но со смертью Винсента дело жизни Теодора закончилось. Ангел мог возвращаться обратно.

Братья похоронены в городе Овере. Их могилы находятся рядом.

Нет ни одного портрета Тео, написанного его братом, гениальным Винсентом Ван Гогом. Но, может быть, Теодор изображен в работе, написанной по мотивам картины Э.Делакруа «Милосердный самаритянин»? Хочется верить, что это так и есть, тем более что этот самаритянин так же фамильно рыж, как и В. Ван Гог, хотя черты его лица совсем иные.

Игорь ЯКУШЕВ,
доцент Института
ментального здоровья.

Северный государственный
медицинский университет.

Архангельск.

НА СНИМКАХ: Тео Ван Гог; возможно, это единственная картина, на которой великий художник изобразил своего ангела-хранителя.